

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ «ПАНА ТАДЕУША»)

Роман в стихах (или, как полагают иные, – поэма) Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», действительно, вершинное творение поэта и всей польской литературы. В нем не столь ощутимы политические влияния «на злобу дня», что характерно для многих других произведений поэта-эмигранта. Это ностальгические идеализированные воспоминания о временах минувших. Здесь в наибольшей степени отражаются глубинные, основополагающие убеждения Мицкевича, его интимные переживания о покинутой Родине, о собственном культурном и этническом самоопределении.

Сразу же оговоримся: мы не касаемся эстетических характеристик великого произведения. Художественное совершенство текста Мицкевича для нас несомненно и недискуссионно. Мы анализируем только этническое самосознание поэта, отразившееся здесь с максимально объективной искренностью. При этом следует иметь в виду, что чем совершеннее художественное воплощение определенных идей, тем глубже и сильнее их воздействие на читателя. Что же внушает нам это произведение в аспекте этнического самоопределения поэта?

На эту тему в белорусской мицкевичиане написано немало такого, что не может не вызвать протеста. Подвергать все это специальному разбору не входит в задачу автора. Ограничимся лишь основными тезисами, которые сейчас усиленно навязываются общественности и в специальной литературе, и в средствах массовой информации Беларуси. Они у всех на слуху. Это:

1. Провозглашение А. Мицкевича белорусским поэтом, только польскоязычным (крайняя точка зрения). Или, по меньшей мере, польско-белорусским, равно принадлежащим обеим литературам (смягченная точка зрения).

2. Идентификация Мицкевича как «литвина», причем этому термину придается этнический смысл. А «литвин», в свою очередь, отождествляется с этнонимом «белорус».

3. Приписывание Мицкевичу восприятия «Литвы» (в смысле исторического Великого княжества Литовского) как отдельного от Польши (даже на рубеже XVIII – XIX вв.) государства, только связанного с ней союзными узами. Патриотом Литвы именно в таком смысле и провозглашается Мицкевич, вплоть до приписывания ему сепаратистских по отношению к Польше тенденций.

Единственными аргументами при этом служат: происхождение поэта по отцовской линии из среды мелкой шляхты пограничного польско-белорусско-литовского региона (повят Новогрудский), использование им в своем творчестве ряда местных фольклорных мотивов (в основном общих для населения этого разноплеменного края), отдельные белорусизмы в языке (что вообще свойственно

польским писателям «кресового» происхождения), найденное в его бумагах одно (!) непечатное выражение по-белорусски и, наконец, произвольно надерганные цитаты из его произведений. Так постоянно цитируется зачин к «Пану Тадеушу» «Litwo ojczyzno moja» («О Литва – моя отчизна»), но замалчивается не менее патетическое восклицание из эпилога – «O Matko Polsko!» («О Мать Польша!») и множество недвусмысленных утверждений в самом тексте произведения.

Мы не будем касаться во многом справедливой реакции на эту кампанию в польской литературе. Мы обратимся к самому оригинальному тексту великого произведения – к тщательно научно выверенному варшавскому изданию 1984 г. (художественные переводы на другие языки не могут служить вполне адекватным материалом для научного анализа польского текста). На страницы этого издания мы и будем ссылаться.

Рассмотрим, в каком смысле употребляет Мицкевич слова «Литва», «литвин». Текст романа не оставляет сомнения: «Литва» как малая родина поэта – это Новогрудский повят, Понеманье. Именно «голубой Неман» воспевается как родная река. Ни одна другая река бывшего Великого княжества – ни Двина, ни Днепр, ни Припять, ни Буг, ни Березина, ни Сож – не упоминается ни разу. Только о Немане говорит он, упоминая о вторжении Великой армии Наполеона в 1812 г. А ведь крупнейшие военные события на территории бывшего Великого княжества происходили не на Немане, а на Днепре и Березине. Там, у стен Бобруйской крепости, безуспешно осаждавшейся именно польскими частями, и у Студянки под Борисовом остались груды польских костей... Именно природа Новогрудчины любовно живописуется поэтом. Из городов края, кроме приеманских, упоминаются лишь Несвиж (как родовое гнездо Радзивиллов) и Слуцк (в связи со знаменитыми слуцкими поясами, ставшими непременной частью старопольского шляхетского костюма).

В широком смысле «Литва» (как краткое наименование Великого княжества Литовского) однозначно трактуется как провинция Речи Посполитой – польского государства. Костюшко клянется «вышвырнуть» (wypędzić) из Польши трех властителей – участников ее разделов (с. 11). Герои Мицкевича – коренная новогрудская шляхта – в национальном смысле именуют себя только поляками (с. 24, 25, 127, 174, 176, 178, 277, 381 и др.).

«Литвин» – это житель Литвы как польской провинции. Никакого этнического смысла в этот термин не вкладывается. Литва ставится в один ряд с другими историческими провинциями Польши – Мазовией, Велокопольшей, Галицией (с. 192, 298). Литва в широком смысле Великого княжества Литовского последовательно выступает как историческая часть Речи Посполитой наряду с Коронай Польской. В этом смысле «литвин» – житель Великого княжества – сопоставляется с «короняжем» – жителем Короны. «Заявить подступающему Наполеону, что хотят литвины вновь соединиться с сестрой своею Коронай и желают, чтобы Польша возродилась» (с. 177), здесь Польша представляется как единство Короны и Литвы. Свобода для Литвы однозначно понимается как единство с Коронай, как возрождение Польши – Речи Посполитой. И еще: «Наша Корона и наша Литва как супругов двое» (с. 314).

Стремление к возрождению не этнографической Польши, а именно Речи Посполитой в ее границах до разделов (1772 г.) здесь выступает как национальная историческая сверхзадача. Художественный гений Мицкевича в немалой степени содействовал укреплению этой сверхзадачи в польском общественном сознании. Как известно, эти идеи продолжают культивироваться за Бугом и по сие время. А как же воспринимает автор «Пана Тадеуша» Беларусь, на этнической территории которой он родился и где разворачиваются все описанные в

романе события? А никак. Нет такой страны на страницах романа. Есть Литва как неотъемлемая часть Польши, а Беларуси – нет. Слова «Беларусь», «Русь», «русины» не упоминаются ни разу. Слово «русский» упоминается один раз. Так называет себя российский капитан Рыков: «Вы поляки, я русский» (с. 25). Да в примечаниях к роману украинские коломыйки называются «русскими песенками» (с. 366). Но белорусские песни – только «гминными» (сельскими). Также, поясняя белорусское выражение «вырай», автор называет белорусскую речь «мовой гминной» – местной разновидностью польской (с. 372). Конечно, поэт, выросший в Новогрудском повете, местную белорусскую речь понимал, но он искренно был убежден, что это простонародная форма польского языка. Невольно вспоминается другой польский шляхтич, родом уже из восточной Беларуси, – Адам Киркор, который писал, что местные крестьяне говорят «по-польски белорусским наречием». Этот хотя бы «наречие» крестьян называет «белорусским». Автор «Пана Тадеуша» – только «гминным». В эпилоге к роману он мечтает о временах, когда местные крестьяне овладеют польским литературным языком и крестьянки за прялкой будут в оригинале слушать его произведения (с. 382). Это мечта об окончательной полонизации «кресов». Ни православие, ни униатство не упоминаются ни разу, только католицизм. Два раза в уничижительном смысле упоминаются «схизматики»: «Ни Бога, ни веры» (с. 341). Но никакого отношения к мицкевичевской Литве они не имеют. Ни разу не упоминается и слово «церковь», только «костел». Как будто бы и не существовали издревле в Понеманье православные церкви, не жили тут православные люди... Местный «гминный люд» – добрые католики и патриоты Польши. Они благоговейно участвуют в католических обрядах и с восторгом встречают наполеоновские войска, будто бы несущие свободу Литве, понимаемую как возрождение Речи Посполитой. Эта идеальная картина далека от суровой реальности 1812 г. Все было очень неоднозначно, даже среди шляхты, не говоря уже о «гминном люде». Вот что писал по горячим следам о вступлении Великой армии в Вильно маркиз А.-О.-Л. де Коленкур, постоянный доверенный слугник Наполеона в походе 1812 г.: «... население ровно ничем не проявляло любопытства, никто не выглядывал из окон, не наблюдалось никакого энтузиазма, не видно было даже обычных зевак. Все выглядело угрюмо. Император был поражен этим и, входя в кабинет, не смог удержаться от слов: здешние поляки не похожи на варшавских»¹.

И еще: «Герцог Бассано и князь Сапега старались организовать страну и вдохнуть в нее польский дух. Но жители были, по-видимому, не очень склонны откликнуться на призыв к их патриотизму. Грабежи и беспорядки всякого рода, производимые армией, разогнали все деревенское население. В городе видные лица сидели по домам. Приходилось вызывать их от имени императора, так как никто не представлялся, не стремился выдвинуться вперед, как ни старались об этом поляки, пришедшие вместе с армией»². В достоверности этих свидетельств не приходится сомневаться.

Итак, художественный мир автора «Пана Тадеуша» проникнут идеей возрождения Польши как Речи Посполитой, где нет места ни для каких иных этносов, кроме польского. Правда, упоминаются еще местные евреи, которые «отчизну любят как и поляки» (с. 353) (чувствуются еврейские связи поэта по материнской линии). В уста капитана Рыкова – единственного положительного персонажа из «москалей» – вкладывается максима: «Пусть Москва для москаля, а Польша для поляка» (с. 373), где опять-таки Польша – это единство Короны

¹ Коленкур А.О. Русская кампания 1812 года. Мемуары французского дипломата. – Смоленск, 2004. – С. 69.

² Там же. – С.113.

и Литвы, все христианское население которой – поляки. Эта идея стала идей-фикс для польской шляхетской общественности на столетия и дошла до наших дней, питая реваншистские настроения, польский экспансионизм на Восток. Соответственно, другая всеобъемлющая идея – ненависть к «москалю», сам вид которого вызывает отвращение у достойного шляхтича, который ложится и встает с призывом на устах: «Бей москаля!». «Москва» повсюду выступает синонимом абсолютного зла. Причем речь идет вовсе не только о русском царе и русском войске, достойный шляхтич – «враг московского рода» (с. 187). «Будем Москву истреблять!» (с. 194), «Войны с Москалями!», «На Москву!» (с. 195) и т.д. Увы! От всего этого явно веет расистским душком. Хотя и признается братское славянское происхождение этого «московского рода» (с. 313), но безнадежно испорченного в глазах автора. Стоит поляку перейти на русскую службу, «омосквититься» (*zmoskwicieć sie*), как он неизбежно превращается в законченного негодяя (с. 244). Зато стать подданным французского императора – великая честь. «Бог с Наполеоном, Наполеон с нами!» (с. 305). Вообще, о Наполеоне везде говорится с верноподданническим придыханием. Хотя Наполеон никого в Европе не освобождал, только завоевывал. Обещания «воскресить» Польшу были только формой политической демагогии для привлечения польской шляхты в Великую армию и для использования ее в оккупационной администрации. Наполеон признавался Коленкуру, «что в глубине души ему нет дела до поляков, которые, как он говорил, представляют собою «легкомысленную нацию и государство, которое трудно перестроить так, чтобы оно выполняло какую-нибудь полезную роль».³

В этом отталкивании от Востока как чуждой инокультурной силы и идеализации Запада как «своего», несмотря на то, что эгоистический Запад отнюдь не отвечал взаимностью и легко сдавал Польшу тому же русскому царю (а позже Гитлеру и Сталину), когда это ему представлялось выгодным, проявился межцивилизационный раскол христианской Европы, и положение Польши оказалось на грани этого разрыва. И здесь не могла помочь ни полонофильская позиция Александра I, включившего в число своих «сердечных друзей» польского националиста Адама Чарторыжского и сделавшего его министром иностранных дел империи и фактическим правителем западнорусских и литовских земель, присоединенных вследствие разделов Речи Посполитой, ни даже предоставление Польше (бывшему Герцогству Варшавскому) одной из самых прогрессивных в тогдашней Европе конституций (фактически режим династической унии двух суверенных государств). Конечно, авторитарная природа русского царизма давала о себе знать, нарушения польской конституции были, но в целом она действовала. Польша имела собственную финансовую систему, валюту, национальную армию и военные училища для подготовки офицерских кадров, собственную полицию, собственный законодательный сейм и правительство, администрацию, суд, образование, прессу на родном языке. Она была отделена от России таможенной границей. Все это не шло ни в какое сравнение с положением польских земель в составе Пруссии и Австрии. Но такая ненависть, какую испытывала польская шляхта к России, тоже не шла ни в какое сравнение с ненавистью к немцам. Ненависть к немцам тоже была, да накал не тот... И дело не только в идее-фикс возрождения Речи Посполитой, которая веками, смиряясь с онемечением захваченных немцами исторических западнопольских земель, рвалась на Восток, к воротам Москвы. Дело в первую очередь в вышеобозначенном цивилизационном противостоянии,

³ Коленкур А.О. Русская кампания 1812 года. Мемуары французского дипломата. – Смоленск, 2004. – С. 113.

стремлении Польши играть роль авангарда в западном натиске на Восток, играть роль этакого культуртрегера западной цивилизации, что опять-таки проявляется вплоть до наших дней. Культурно-цивилизационный фактор, разделяющий Польшу и Россию (и вообще восточных славян), неизменно брал верх над фактором славянского этнического родства, который их единил. Этот славянский фактор припоминался только тогда, когда надо было спасти Польшу от гибели ценою русской крови, а затем все возвращалось на круги своя.

Научно эта истина была осмыслена только во второй половине XIX в. с появлением замечательного труда Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», но не усвоена восточнославянской прозападнической интеллигенцией до сих пор. Однако история – суровый учитель. Усвоить придется, и чем скорее, тем лучше.

Адам Мицкевич на интуитивном уровне гениального художника воплотил эту истину в художественном мире своего величайшего произведения. (Первое издание «Пана Тадеуша» вышло в Париже в 1834 г. после войны 1812 г., Венского конгресса 1815 г. и ноябрьского польского восстания 1830 г. Никаких уроков из этих знаковых событий польская шляхта так и не извлекла). Поляк для автора романа – это именно шляхтич, член единой польской шляхетской нации. Только шляхтич может быть свободным человеком: «Свобода не хлопская (крестьянская) вещь, а шляхетская» (с. 346). Единственный способ сделать «хлопа» свободным человеком и полноправным членом нации – это наделить его шляхетским достоинством, одарить своим гербом (с. 347). А польский шляхтич – это человек Запада и, прежде всего, в этом качестве – антипод «москалю». Он во всем превосходит «москаля». Отряд иррегулярной застенковой шляхты избивает целый батальон русских егерей (не вообще солдат, а именно егерей, элитную часть войска). Капитан Рыков потому и положительный герой, что признает превосходство поляков и утверждает, что с ними русским вообще невозможно сражаться врукопашную без артиллерии. Конечно, в этом самовосхвалении можно усмотреть обычный «синдром побежденного» – виртуальный реванш за реальное поражение. Как иронично заметил великий шотландский поэт Роберт Бернс по поводу шотландских баллад, в которых шотландцы неизменно побивают англичан, что если бы на самом деле было так, «то мы б покорили англичан, а не наоборот». Великому польскому поэту такой самоиронии не хватило... Может быть и потому, что шотландцы и англичане находились в одной культурно-цивилизационной системе, а поляки и русские – в разных.

В реальной истории огромное количество поляков служило русским царям начиная с XVII в., не превращаясь при этом в негодяев, подобных изображенному в романе майору Плуту. А обрусев, вошли в состав российской культурной и государственной элиты, стали патриотами России. И примеров тому множество. Но для этого им необходимо было обрусеть, ассимилироваться в русскую культуру и цивилизацию. А сама Польша в составе империи неизменно оставалась инородным телом и никогда (и раньше, и теперь) не оставляла стремлений возратить под свою власть украинских и белорусских «хлопов». И в первую очередь белорусских: Украина ныне слишком велика, исторически имела антипольски настроенную элиту и вечно бунтующий казацкий народ. Этим куском можно и подавиться. А в Беларуси социальная элита ополячилась практически полностью и народ «памяркоўны» бунтовал редко... И даже партизанская эпопея Великой Отечественной войны, кажется, ничему не научила реваншистов: они склонны списывать ее на происки все тех же «клятых» москалей. Мол, если бы не они, то отряды Армии Краевой присоединили бы «кресы восточне» еще до отступления немцев. И такое можно читать в современной польской прессе.

Конечно, невозможно обвинять во всем этом великого польского поэта: он был рупором своей нации, какой она тогда была, своего исторического времени, своей цивилизации. И подняться над ними, как умел его великий современник и друг-недруг в одном лице Александр Сергеевич Пушкин, не смог. Возводить межцивилизационные мосты в культуре дано только великим творцам объективно великих народов. Субъективных притязаний на это качество недостаточно, узкоэтническая ограниченность все равно будет доминировать, как и у всех польских классиков. Но это уже тема для иных размышлений.

SUMMARY

Basing on the analysis of the poem «Sir Tadeush» the article proves that Adam Mitskevich was ranked among the figures of the Belarusian culture ungroundedly.